

УДК 821.161.1 (Русская литература)

ЧТО СТАЛОСЬ С ОНЕГИНЫМ? ПОЭТИКА ФИНАЛА ПУШКИНСКОГО РОМАНА

© 2022 В.И. Пимонов

Пимонов Владимир Иванович, Ph.D, кандидат филологических наук, профессор-эмерит
(Копенгаген, Дания)

E-mail: ivpet65@mail.ru

Институт кино и телевидения (ГИТР)
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 15.06.2022

Объект статьи: финальная сцена романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (ЕО, 8, XLVIII, 1-10). Предмет статьи: прием обрыва повествования и поэтика концовки романа. *Цель исследования:* анализ структуры и смысла финальной сцены. *Результаты:* обрыв повествования полностью завершает целостную сюжетную линию Онегина. Финальная сцена включает в себе: 1) инверсию бинарных оппозиций «движение-неподвижность» / «живое-мертвое», характерную для «скульптурного мифа»; 2) предвестие возможной дуэли между Онегиным и мужем Татьяны. *Область применения:* литературоведение, преподавание русской литературы XIX века. *Выводы:* Вероятность дуэли между генералом и Онегиным определяется симметричностью и параллелизмом композиции романа, а также предвестием поединка и гибели главного героя. Речь идет о дуэли, которая не реализована в сюжете, но виртуально присутствует в смысловом пространстве романа. Виртуально присутствующая в смысловом пространстве романа дуэль между двумя друзьями (8, XVIII) - Онегиным и генералом - обратно-симметрична по отношению к реальной дуэли между двумя друзьями Онегиным и Ленским. В рамках схемы мести, в которой месть за убийство осуществляет двойник убитого, в роли мстящего за смерть Ленского «двойника» (по функции «друга») выступает муж Татьяны. Автор признателен С.М. Грачевой и О.Б. Заславскому за стимулирующее обсуждение и ценные советы.

Ключевые слова: Пушкин, Онегин, обрыв повествования, структура, сюжет, предвестие, месть, дуэль
DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-85-78-83

Введение. Одна из главных загадок романа Александра Сергеевича Пушкина «Евгений Онегин» связана с тем обстоятельством, что повествование о главном герое неожиданно обрывается:

Она ушла. Стоит Евгений,
Как будто громом поражен.
В какую бурю ощущений
Теперь он сердцем погружен!
Но шпор внезапный звон раздался,
И муж Татьянин показался,
И здесь героя моего
В минуту злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... Навсегда... (ЕО, 8, XLVIII, 1-10).

Отсутствие традиционной концовки создает ощущение незавершенности романа: «Автор оставляет героя “в минуту злую для него”, не завершив начатого эпизода (“и муж Татьянин показался”), предоставляя самому читателю додумать конец» [11, с. 266]. Известно, что «этот своеобразный конец “без конца” <...> немало смущал не только критиков, но даже и ближайших литературных друзей Пушкина» [4, с. 180].

«Что случилось с Онегиным потом?», - спрашивал знаменитый критик [3, с. 495-535].

История вопроса. Ироничное отношение А.С. Пушкина к предложениям друзей продолжить роман отражено в наброске, который печатается под названием «В мои осенние досуги»: «Вы говорите справедливо, / Что странно, даже неучтиво / Роман не конча перервать, / Отдав уже его в печать, / Что должно своего героя / Как бы то ни было женить, / По крайней мере уморить». Высказывалось мнение, что этот набросок «содержит также и “подлинный голос поэта”, а именно “предполагаемый план окончания романа”, по которому Онегин должен был погибнуть на Кавказе» [11, с. 257] [7, с. 13–27]. Однако на обложке восьмой главы романа, изданной в 1832 г., указано: «Последняя глава “Евгения Онегина”». В тексте пометка: «Конец осьмой и последней главы». Таким образом, «каков бы ни был первоначальный замысел романа и какие бы слухи не были с этим связаны, поэт заявлял публике, что “Онегин” продолжаться не будет» [11, с. 262]. В хрестоматийном комментарии к роману утверждается, что «решение оборвать сюжетное развитие ЕО, не доводя его до канонического для романа завершения, было для Пушкина сознательным и принципиальным. <...> Поэтому все попытки исследователей и комментаторов “дописать” роман за автора и дополнить реальный текст какими-либо “концами” должны трактоваться как произвольные и противоречащие поэтике пушкинского романа» [12, с. 369-370].

Методы исследования. Данная работа опирается на структурно-семантический подход к поэтике романа, нацеленный на рассмотрение изучаемого объекта во взаимосвязи структуры и смысла.

Результаты исследования. Показано, что обрыв повествования в сцене ЕО, 8, XLVIII, 1-10, породивший дискуссию о «незаконченности» романа, полностью завершает целостную сюжетную линию главного героя. Эта сцена заключает в себе: 1) символическую инверсию оппозиций «движение-неподвижность» / «живое-мертвое», характерную для «скульптурного мифа»; 2) предвестие возможной дуэли между Онегиным и мужем Татьяны. В отличие от композиционного приема клиффхэнгера (по-английски *cliffhanger* или *cliffhanger ending*), когда повествование обрывается, оставляя развязку открытой до появления продолжения, обрыв повествования у А.С. Пушкина знаменует собой завершение сюжета. Продолжения не следует.

Живое и мертвое. Слова «Стоит Евгений / Как будто громом поражен» рисуют картинный образ застывшего главного героя. Контраст между Онегиным, который «несется вдоль Невы в санях» (8, XXXIX), и Онегиным, который «навсегда» замирает в комнате Татьяны, выражает символический переход от «движения» к «неподвижности» - от живого к мертвому. Этот переход выражен уже при первой встрече Онегина с замужней Татьяной, когда она «... скользнула вон... / И недвижим остался он» (8, XIX), а также в Письме Онегина к Татьяне, мечтающего пред нею «в муках замирать». В свою очередь, характеристика мужа Татьяны, который «в сраженьях изувечен» (8, XLIV), визуализирует образ калеки, ограниченного в движениях из-за телесных повреждений, полученных в результате ранений на войне. Ранение - это знак не доведенного до конца убийства. Генерал как бы «полуживой-полумертвый». На фоне образа инвалида, созданного упоминанием об увечьях, маршевый ритм в строках «Но шпор незапный звон раздался, // И муж Татьянин показался» создает неожиданный переход от «неподвижности» к «движению», от мертвого к живому. Образно говоря, «живой» Онегин «как будто громом поражен», то есть, «умирает», а «полуживой» инвалид войны наоборот - «оживает» в ипостаси всадника, что акустически подчеркнуто звоном шпор. В сцене ЕО, 8, XLVIII, 1-10 происходит инверсия бинарных оппозиций «движение-неподвижность» / «живое-мертвое», инвариантных для творчества А.С. Пушкина [9, с. 3–25].

Скульптурный миф. Переход «живого в мертвого и наоборот» [13, с. 18–21] характеризует «скульптурный миф» [17, с. 145-180]. В критике ранее отмечалось «некоторое сходство» финальной сцены со скульптурным мифом [10, с. 449]. Онегин остается в комнате Татьяны «навсегда», что означает: он оттуда уже никогда и никуда не выйдет. Критик заключает: «Это - убитый Онегин» [16, с. 11]. Если на символическом уровне Онегин убит «громом», то на конкретном бытовом уровне он мог быть убит на дуэли.

Онегин и Дон Гуан. Затрагивая вопрос о мнимой незавершенности романа, современный исследователь замечает, что «у Онегина нет никакого будущего. Он же не ушел из будуара, а исчез. Провалился в никуда, как Дон Гуан» [14]. Параллель между Онегиным и Дон Гуаном проводилась в критике ранее: [15, с. 25–59] [2, с. 182]. Дело в том, что Дон Гуан не просто проваливается в преисподнюю. Его туда силой увлека-

ет Командор. Командор убивает Дон Гуана. Муж мстит любовнику жены. При этом месть осуществляет не сам муж, ранее убитый этим любовником, а его двойник. В роли двойника выступает ожившая статуя убитого. Воплощается сюжет мести, впервые описанный Аристотелем на примере «статуи Мития, которая упала и убила виновника смерти этого Мития, когда тот смотрел на нее» [1, с.128]. Командор в обличье «ожившей» статуи возвращается с «того света». В «Евгении Онегине» муж Татьяны тоже как бы возвращается с «того света», но не в виде статуи, а в образе «ожившего» из «полумертвых» кавалериста. Между Командором и Дон Гуаном, происходит дуэль [10, с. 218 - 227]. Тема дуэли играет важнейшую роль и в «Евгении Онегине». Хотя замысел романа «неоднократно менялся, <...> бесспорной кульминацией повествования <...> оказывается сцена дуэли» [16, с. 169].

Симметричность композиции. В пушкинстике общим местом стал тезис о симметричности и параллелизме как принципе организации «Евгения Онегина»: «начавшись в Петербурге, действие возвращается в Петербург; письму Татьяны к Онегину корреспондирует письмо Онегина к отвергнутой им когда-то Татьяне» [16, с. 167]. Высказывалось мнение, что в основе романа лежит «математический принцип» [5, с. 149], воспринятый поэтом от Данте [8, с. 91]. Симметричное построение подразумевает повторение одной и той же сюжетной ситуации, когда событие удваивается, получает зеркальное отражение. С этой точки зрения дуэль между Онегиным и Ленским должна иметь отражение в другой дуэли, на которой убит уже будет сам Онегин. И хотя дуэль между Онегиным и мужем Татьяны в романе отсутствует, она, тем не менее, виртуально инкорпорирована в смысловое пространство произведения.

Тема смерти. В восьмой главе и «Отрывках из путешествия Онегина» происходит нарастание темы смерти: «Где окровавленная тень / Ему являлась каждый день» (8, XIII) - тень убитого Ленского выступает предвестием смерти Онегина; «Я знаю, век уж мой измерен» (8, XXXII) - герой предвосхищает свою близкую смерть; «Идет, на мертвеца похожий» (8, XL) - образ Онегина в виде мертвеца предрекает его кончину. Наконец, слова «И мыслит, грустью отуманен: / Зачем я пулей в грудь не ранен?» (Отрывки из Путешествия Онегина) заключают в себе предве-

стие (с обратным знаком) гибели Евгения в результате пулевого ранения, вероятно, на дуэли. Аналогичное предвестие гибели на дуэли читается в словах Ленского: «Паду ли я стрелой пронзенный...» (6, XXI). Стрела выступает здесь эквивалентом пули. Мысль о дуэли между Онегиным и генералом лишь вскользь высказывалась ранее, однако не в связи со структурой романа, а на основе психологической оценки эмоционального состояния Онегина: «Пушкин оставил своего героя, а чтобы читатель не сомневался, что роман закончил, добавляет, что оставил навсегда. Но ведь герой-то остался с кипевшими страстями в сердце. А может быть он устроил скандал и вызвал на дуэль мужа Татьяны» [6]. Однако очевидно, что у мужа Татьяны было гораздо больше оснований вызвать Онегина на дуэль. Ведь сцена ЕО, 8, XLVIII, 1-10 обрывается в тот момент, когда генерал вот-вот обнаружит Онегина в будуаре своей жены. Речь идет о помещении в доме, которое используется женщиной для переодевания, причесывания или уединенных занятий (аналог кабинета мужчины): «Княгиня перед ним одна, / Сидит, не убрана, бледна, / Письмо какое-то читает...» (8, XL). В данном контексте «не убрана» означает, что Татьяна одета и причесана по-домашнему, не для приёма гостей. Мог ли муж Татьяны не вызвать Онегина на дуэль в такой ситуации? Взгляды на дуэль во времена А.С. Пушкина и ее возможные причины, такие как ревность, оскорбление, боязнь показаться смешным или сделаться предметом сплетен, изложены в хрестоматийном комментарии к роману [12, с. 92-105]. Кроме дуэли, другие возможные варианты развязки сюжета скорее применимы к анекдотам. Например, когда при неожиданном появлении мужа любовник прячется в шкафу или между перин в спальне, как в «Дон Жуане» Д.Г. Байрона, послужившем А.С. Пушкину одним из источников вдохновения при работе над романом.

Предвестие дуэли. Неожиданному появлению генерала в ЕО, 8, XLVIII, 1-10 предшествует эпизод, который можно считать скрытым предвестием его дуэли с Онегиным. Речь идет о строфах 8, XXII и XXIII: «Татьяну он одну находит, / И вместе несколько минут / Они сидят...» <...> «Приходит муж. / Он прерывает / Сей неприятный tete-a-tete». Французское выражение tete-a-tete в дословном переводе на русский язык означает «голова к голове» и обычно упо-

требуется для обозначения встречи «один на один» романтического характера. Однако встреча *tete-a-tete* может иметь целью и выяснение отношений и способна перерасти в драку или дуэль. В этом смысле вероятно прочтение *tete-a-tete* как предвестия дуэли между Онегиным и генералом. *Tete-a-tete* Онегина и Татьяны как бы превосходит *tete-a-tete* Онегина и мужа Татьяны. О.Б. Заславский высказал догадку, что рассказ о встрече Онегина с генералом, который «<...> вспоминает / Проказы, шутки прежних лет» (8, XXIII) также содержит намек на предстоящий поединок между ними, поскольку слово «проказы» может подразумевать дуэль. Именно в этом значении оно употреблено в «Каменном госте». После того, как Дон Гуан убивает Дон Карлоса на дуэли, Лаура восклицает: «Эх, Дон Гуан, / Досадно, право. Вечные проказы - / А все не виноват...». Виртуально присутствующая в смысловом

пространстве романа дуэль между двумя друзьями (8, XVIII) - Онегиным и генералом - обратнo-симметрична по отношению к реальной дуэли между двумя друзьями Онегиным и Ленским. В рамках описанной выше схемы мести, в которой месть за убийство осуществляет двойник убитого, в роли мстящего за смерть Ленского «двойника» (по функции «друга») выступает муж Татьяны.

Выводы. В сцене ЕО, 8, XLVIII, 1-10, где Онегин «навсегда» остается в комнате Татьяны, происходит символическая инверсия «живого и мертвого», характерная для скульптурного мифа. Вероятность дуэли между Онегиным и мужем Татьяны определяется симметричностью композиционного построения романа и усиливается цепью предвестий. Речь идет о дуэли, которая не реализована в сюжете, но виртуально присутствует в смысловом пространстве романа.

1. Аристотель. Поэтика. Пер. М. Л. Гаспарова Аристотель и античная литература. – М.: Наука, 1978. – 233 с.
2. Ахматова, А. А. О Пушкине. - М.: Книга, 1989. - 370 с. - С. 182.
3. Белинский, В. Г. Статья восьмая. «Евгений Онегин» // Собрание сочинений в трех томах. Под общей редакцией Ф. М. Головенченко. - М.: ОГИЗ, ГИХЛ, 1948. Том III. Статьи и рецензии 1843 - 1848. - 924 с.
4. Благой, Д. Д. Мастерство Пушкина. - М.: Советский писатель, 1955. -268 с.
5. Благой, Д. Д. Душа в заветной лире. - М.: Советский писатель, 1977. -544 с.
6. Воловой-Борзенко, Г. Тайна романа Пушкина «Евгений Онегин». - URL: <https://proza.ru/2020/07/04/657> (дата обращения: 15.06.2022).
7. Гербстман, А. И. О предполагаемом плане окончания «Евгения Онегина» // Ученые записки Казахского университета им. С. М. Кирова, т. XXXIV, вып. 3. - Алма-ата, 1958. - 226 с.
8. Дьяконов, И.М. Об истории замысла «Евгения Онегина» // Пушкин. Исследования и материалы. - Л.: Наука, 1982. - 391 с.
9. Жолковский, А. К. Инварианты Пушкина // Труды по знаковым системам. 11: Семиотика текста / Отв. ред. И. Чернов. Тарту, 1979. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 467). - 144 с. - С. 3–25.
10. Заславский, О. Б. Поэтика Пушкина. Опыт структурного анализа. - М.: Флинта, 2022. - 564 с.
11. Левкович, Я. Л. Наброски послания о продолжении «Евгения Онегина» // Стихотворения Пушкина 1820-1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика. - Л.: Наука, 1974. - 413 с.
12. Лотман, Ю. М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. - Л.: Просвещение, 1983. - 416 с.
13. Манн, Ю. В. «Скульптурный миф Пушкина и гоголевская формула окаменения» // Пушкинские чтения в Тарту: Тезисы докладов научной конференции 13–14 ноября 1987. - Таллин, 1987. С. 18–21.
14. Минкин, А. В. Немой Онегин. Роман о поэме. - М.: Проспект, 2022. - 560 с. - URL: <https://www.mk.ru/culture/2019/07/18/predskazanie-nemoy-ogin-chast-xxv.html> (дата обращения: 15.06.2022).
15. Осповат, Л. С. «Каменный гость» как опыт диалогизации творческого сознания // Пушкин: Исследования и материалы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). — СПб.: Наука, 1995. Т. 15. - 334 с.
16. Турбин, В. Н. Поэтика романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». - М.: Изд. Московского университета, 1996. - 232 с.
17. Якобсон, Р. О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина / Якобсон, Р. О. Работы по поэтике. - М.: Прогресс, 1987. - 464 с.

WHAT HAPPENED TO ONEGIN? POETICS OF ENDING IN PUSHKIN'S NOVEL IN VERSE

© 2021 V.I. Pimonov
Vladimir I. Pimonov, Ph.D in Philology, professor emeritus
(Copenhagen, Denmark)

E-mail: ivpet65@mail.ru
GITR Film & Television School
Moscow, Russia

Object of the article: the final scene of the novel in verse "Eugene Onegin" by A.S. Pushkin (EO, 8, XLVIII, 1-10). Subject of the article: the device of narrative interruption and poetics of the novel's ending. Purpose of the research: analysis of the structure and meaning of the final scene. Results: the author argues that the interrupted narration in fact fully completes Onegin's storyline. The final scene contains: 1) the inversion of the binary oppositions "movement-immobility" / "living-dead", that is characteristic of the "sculptural myth"; 2) a foreshadowing of a possible duel between Onegin and Tatyana's husband. Field of application: literary criticism, teaching Russian literature of the 19th century. Conclusions: the probability of a duel between the general and Onegin is based on the symmetry and parallelism of the novel's compositional design and a foreshadowing of the protagonist's death in a head-to-head combat. This duel is not implemented in the plot, but is virtually present in the semantic space of the novel. That virtual duel between two friends (8, XVIII) - Onegin and the general - is in inversely symmetric relation to the real duel between two friends — Onegin and Lensky. In the context of the revenge scheme, in which revenge for the murder is carried out by the double of the victim, Tatiana's husband plays a role of Lensky's "double" (in the function of "friend") who avenges his death.

The author is indebted to Svetlana M. Gracheva and Oleg B. Zaslavsky for stimulating discussion and helpful advice.

Key words: Pushkin, Onegin, interrupted narration, structure, plot, foreshadowing, revenge, duel

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-85-78-83

1. Aristotel'. Pojetika (Poetics). Per. M. L. Gasparova // Aristotel' i antichnaja literature (Aristotle and Ancient Literature). – M.: Nauka, 1978. – 233 s.
2. Ahmatova, A. A. O Pushkine (On Pushkin). – M.: Kniga, 1989. – 370 c. – S. 182.
3. Belinskij, V. G. Stat'ja vos'maja. «Evgenij Onegin» (Article Eight. Eugene Onegin) // Sobranie sochinenij v treh tomah (Collection of Works in Three Volumes). Pod obshhej redakciej F. M. Golovenchenko. – M.: OGIZ, GIHL, 1948. Tom III. Stat'i i recenzii 1843 - 1848. – 924 s.
4. Blagoj, D. D. Masterstvo Pushkina (Pushkin's Skill). – M.: Sovetskij pisatel', 1955. – 268 s.
5. Blagoj, D. D. Dusha v zavetnoj lire (The Sole in the Cherished Lyre). – M.: Sovetskij pisatel', 1977. – 544 s.
18. Volovoj-Borzenko, G. Tajna romana Pushkina «Evgenij Onegin» (The Mystery of Pushkin's Novel "Eugene Onegin"). – URL: <https://proza.ru/2020/07/04/657> (date of access: 06/15/2022).
6. Gerbstman, A. I. O predpolagaemom plane okonchanija «Evgenija Onegina» (On the Supposed Plan of Ending in "Eugene Onegin" // Uchenye zapiski Kazahskogo universiteta im. S. M. Kirova (Scholarly Notes of the Kazakh University named after S.M. Kirov), t. XXXIV, vyp. 3. – Alma-ata, 1958. – 226 s.
7. D'jakonov, I.M. Ob istorii zamysla «Evgenija Onegina (On the History of Design in "Eugene Onegin") // Issledovanija i materialy (Research and Materials). – L.: Nauka, 1982. – 391 s.
8. Zholkovskij, A. K. Invarianty Pushkina (Pushkin's Invariants) // Trudy po znakovym sistemam. 11: Semiotika teksta / Otv. red. I. Chernov (Works on Sign Systems. 11: Semiotics of Text). – Tartu, 1979. (Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta. Vyp. 467). – 144 s. – S. 3–25.
9. Zaslavskij, O. B. Pojetika Pushkina. Opyt strukturnogo analiza. – (The Pushkin Poetics. The Experience of Structural Analysis). – M.: Flinta, 2022. – 564 s.
10. Levkovich, Ja. L. Nabroski poslanija o prodolzhenii «Evgenija Onegina» (The Sketches of the Message about Continuation of "Eugene Onegin") // Stihotvorenija Pushkina 1820-1830-h godov. Istorija sozdanija i idejno-hudozhestvennaja problematika (Pushkin's Poems of 1820-1830's. The Story of Creation and Ideological and Artistic Problems). – L.: Nauka, 1974. – 413 s.
11. Lotman, Ju. M. Roman A.S Pushkina «Evgenij Onegin». Kommentarij (Pushkin's Novel "Eugene Onegin". Commentary). – L.: Prosveshhenie, 1983. – 416 s.
12. Mann, Ju. V. «Skul'pturnyj mif Pushkina i gogolevskaja formula okamenenija (The Pushkin's "Sculpture Myth" and Gogol's formula of Petrification) // Pushkinskie chtenija v Tartu: Tezisy dokladov nauchnoj konferencii 13–14 nojabrja 1987. – Tallin, 1987. – S. 18–21.
13. Minkin, A. V. Nemoj Onegin. Roman o pojeme (Mute Onegin. A Novel about the Poem). – M.: Prospekt, 2022. – 560 s. – URL: <https://www.mk.ru/culture/2019/07/18/predskazanie-nemoy-onegin-chast-xxv.html> (date of access: 06/15/2022).
14. Ospovat, L. S. «Kamennyj gost'» kak opyt dialogizacii tvorcheskogo soznanija (The "Stone Guest" as an Experience in Dialogizing of Creative Consciousness) // Pushkin: Issledovanija i materialy (Pushkin. Research and Materials) / RAN. In-t rus. lit. (Pushkinskij dom). — Spb.: Nauka, 1995. T. 15. – 334 s.
15. Turbin, V. N. Pojetika romana A.S. Pushkina «Evgenij Onegin» (The Poetics of Pushkin's Novel "Eugene Onegin"). – M.: Izd. Moskovskogo universiteta, 1996. – 232 s.

16. Jakobson, P. O. Statuja v pojeticheskoj mifologii Pushkina (The Statue in Pushkin's Poetic Mythology) / Jakobson, R. O. Raboty po pojetike (Works on Poetics). - M.: Progress, 1987. – 464 s.